

И древо падёт

Действующие лица в порядке их появления:

ЮЛЯ — человек с активной гражданской позицией

САША — программист из маленького города

ЛАВРЕНТИЙ — подсобный рабочий

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ — депутат областной думы

АКИМЫЧ — встревоженный пенсионер

КАТЯ — внештатный сотрудник газеты

Картина первая

Широкая поляна, посреди которой высится одряхлевший дуб. Слева, далеко за деревьями, угадывается шум большого города. Оттуда на поляну ведет утоптанная тропинка. С правой стороны, перед тем как скрыться в лесу, тропинка огибает комплекс спортивных снарядов. Металл с брусьев и шведской стенки уже срезан, но высокая П-образная лестница-рукоход еще стоит. Ясное утро начала осени. Перед дубом, разложив пестрые флажки и листовки, возится ЮЛЯ.

ЮЛЯ. Это мы еще посмотрим, кто кого. Нас так просто не возьмешь. Заявления не работают? А мы еще напишем. И еще. Суд вы подкупили? Запугали всех? Ну нет, меня не запугаете. Не на ту, Павел Андреевич, напали. Я вам еще покажу. Я людей выведу! Я вам такой протест устрою!

Отходит в сторону и оценивающе смотрит на дуб, увешанный предупреждающими плакатами. Выглядывает на тропинку, ведущую в город. Смотрит на часы.

ЮЛЯ. Да где же все? Правда, что ли, испугались? И телефон, зараза, не ловит. Не позвонишь никому. Да и чего они боятся? Что он может, депутат этот? Против нас всех? *(Возвращается к дубу, достает из рюкзака длинную цепь и обматывает ее вокруг ствола.)* Только на себя и приходится рассчитывать. Слабаки.

Слева доносятся звуки шагов и чей-то голос. ЮЛЯ, увлеченная работой, поначалу не замечает их. Потом прислушивается, бросает цепь и прячется за дубом. На поляну, громко подпевая плейеру, выбегает САША.

САША (*останавливаясь посреди поляны*). Уф, передохнуть надо. Сколько там натикало? (*Заглядывает в смартфон, проверяя трекинг.*) Ого, почти четыре кмэ. Что-то я сегодня разошелся. Далековато отбежал. И где это мы сейчас? Ага, сеть уже пропала. Ну, знаете, спорт — спортом, но начинать лучше постепенно. Да. Сейчас пару упражнений на дыхание и потихоньку обратно.

САША ходит по поляне, поднимая и опуская руки и шумно выдыхая. Из-за его спины показывается ЮЛЯ. Она что-то говорит ему, но САША не слышит.

ЮЛЯ (*подскакивая к самому лицу*). Так вы не на митинг?

САША (*отшатываясь*). А? Что? (*Выдергивает из ушей наушники.*) Простите, увлекся. Вы говорили что-то?

ЮЛЯ. Ничего. Неважно.

САША. Хм.

ЮЛЯ. Я думала, вы на митинг пришли.

САША. Куда?

ЮЛЯ. Лес отстаивать.

САША. А. Нет. Я тут бегаю просто. Ну, здоровый образ жизни. Вот, решил начать месяц с полезных привычек.

ЮЛЯ. Скоро бегать негде будет.

САША. Серьезно?

ЮЛЯ. Куда уж серьезней.

САША. Ну, я вообще-то не знаю, какие у вас тут обычно маршруты. Сюда случайно забежал. Знаете, вроде как думал про одну дорожку, а попал на другую.

ЮЛЯ. Очень жаль. (*Собирается уходить, но вдруг осознав что-то резко поворачивается.*) А вот вы знаете, эээ, хм, к сожалению, не спросила вашего имени.

САША. Александр. Я...

ЮЛЯ. Так вот, Саша, а вы знаете, что это за место?

САША. Площадка какая-нибудь спортивная? На школьную вроде похоже. Только стадиона нет.

ЮЛЯ. Нет-нет, я не про это. Вообще — этот лес, эта поляна, вот этот дуб. Знаете, что это за дуб?

САША. Да нет. Какой-нибудь редкий вид? Пробковый, там, или...

ЮЛЯ. О, еще какой редкий! Это, к вашему сведению, дуб, под которым отдыхал сам Пушкин. Да, представьте себе, Александр Сергеевич Пушкин...

САША. Ого! Круто.

ЮЛЯ. И не только он. Вот вы подойдите поближе, посмотрите на кору. Этот дуб — свидетель многих...

САША. Знаете, я лучше в другой раз. Я уже как бы опаздываю.

ЮЛЯ. Это недолго, вы только вот сюда вот гляньте. Это историческое достояние, между прочим.

САША. Я бы с удовольствием, но правда опаздываю.

ЮЛЯ. Жаль. А на минутку хотя бы можете задержаться? Мне нужна ваша помощь.

САША. Ну, если помочь, тогда...

ЮЛЯ. Мы быстро. Вот, помогите прочесть эту надпись.

Подходят к дубу. САША пытается разглядеть на коре знаки, на которые указала ЮЛЯ. Сама ЮЛЯ скрывается за деревом.

САША. Что-то ничего не заметно.

ЮЛЯ (*из-за дуба*). Да вы внимательней посмотрите.

САША. Внимательно смотрю, но тут же нет ничего. Знаете, я уже...

ЮЛЯ (*появляется из-за дерева, пряча что-то за спиной*). Да вы ж стоите неправильно! Смотрите, вот эту ногу надо переставить... (*Наклоняется, быстро пристегивает САШУ к цепи и отскакивает в сторону.*) Вот так. Извините, но я должна была это сделать.

САША. Что... (*Поворачивается к ЮЛЕ, цепь, обернутая вокруг дуба, натягивается и не пускает его.*) Это еще что такое? Вы что творите?

ЮЛЯ (*подбирая разбросанные флажки*). То, что велит мне долг.

САША. Какой еще долг?! Вы меня зачем прицепили? А ну-ка...

ЮЛЯ. Успокойтесь. Цепь прочная, и отпускать вас я все равно не собираюсь. (*Показывает САШЕ ключи, потом размахивается и бросает их в лес.*) Если вы честный человек, то согласитесь, что я все сделала правильно.

САША. Да что за бред...

Со стороны города доносится тарахтящий звук двигателя.

САША. О! Отлично. Очень надеюсь, что это полиция.

ЮЛЯ. Не поверите, но я буду только рада, если сюда приедет вся полиция города.

Звуки затихают, слышится какой-то лязг, и на поляне появляется ЛАВРЕНТИЙ. В одной руке у него пара лопат, в другой — колышки и моток ленты, которой оцепляют места преступлений.

ЛАВРЕНТИЙ. Здасьте.

ЮЛЯ. Ты?!

ЛАВРЕНТИЙ. Ничего личного, Юль. Просто делаю свою работу.

ЮЛЯ. Продажная сволочь! Убирайся отсюда!

САША. Эй, послушайте, меня эта аферистка...

ЛАВРЕНТИЙ (*кладет лопаты и колышки на землю*). Ребята, без обид, но через полчаса пригонят технику.

САША. Каких «полчаса»? Мне на работу надо, а эта мошенница...

ЮЛЯ. Никакую технику мы сюда не пустим! Ты еще не знаешь...

САША. Незаконно меня здесь поработила...

ЮЛЯ. Сколько людей я выведу...

САША. Это вообще подсудное дело...

ЮЛЯ. Активист уже приковал себя к дереву...

САША. Что?!

ЛАВРЕНТИЙ. Юля, уймись. Дерево определили под снос. Машины уже едут. Финита ля комедия.

САША. Какой снос?

ЮЛЯ. Не будет никакого сноса.

ЛАВРЕНТИЙ. Как хотите, мое дело маленькое.

ЛАВРЕНТИЙ достает из кармана мятый листочек и, сверяясь с местностью, начинает забивать колышки.

ЮЛЯ. Нет, вы посмотрите на этого урода!

САША. На кого?

ЮЛЯ. На эту продажную скотину! Ради денег на все готов...

САША. Послушайте, это все очень мило, но не могли бы вы...

ЮЛЯ. Смотрите, как старается. И плевать ему на историю...

САША. Эй, да отпустите меня!

ЮЛЯ. На зеленые легкие города. На стариков, на детей.

САША. Да что за бред. Дайте сюда ключ.

ЮЛЯ. Нет. Нету ключа.

САША. Слушайте, это уже переходит всякие границы! Что за цирк...

ЮЛЯ. Это не цирк, молодой человек! Это борьба! Великая, тяжелая борьба...

САША. А я-то здесь причем?

ЮЛЯ. Битва Давида с Голиафом. Но мы должны это сделать, история выбрала нас...

САША. Вот и боритесь в свое удовольствие. А, между прочим, на работу опаздываю.

ЮЛЯ. Мы должны быть стойкими, мы должны быть непреклонными. Только так. Все как один. Единым фронтом...

САША. Лично я никому ничего не должен. Хотя нет. Я страницу личного кабинета доделать должен. Сегодня какое число? Ё, у нас же дедлайн! Да мне шеф голову оторвет!

ЮЛЯ. Им не запугать нас. Не сломить. Мы пройдем через все лишения, мы справимся! И лес отстоим.

САША. Обалдеть. Да меня уволят из-за вашей забастовки. Вы мне потом еду покупать собираетесь? Квартиру оплачивать? Если сегодня личный кабинет не закончу...

ЮЛЯ (*как будто очнувшись*). Я понимаю, вам нелегко это принять.

САША. Что принять?! Что вы меня к дереву приковали? БДСМ-порно какое-то.

ЮЛЯ. Ну, прям уж и порно.

САША. По-моему, очень похоже.

ЮЛЯ. Жаль. Я думала, вы улавливаете суть.

САША. Да не хочу я ничего улавливать! Мне домой надо. Переодеться надо. На работу надо. Я и так уже опоздал.

ЮЛЯ. Ничего не могу поделать. Придется остаться до конца митинга.

САША. Так. Я все понял. По-хорошему не хотите. (*Машет рукой в сторону ЛАВРЕНТИЯ.*) Эй, уважаемый! Слышите меня?

ЮЛЯ (*подходит ближе*). Да пойми же! Без тебя нам не справиться. Они просто срубят этот дуб. И вообще все тут вырубят.

САША. Срубят — значит так надо. Эй, эй. Мужчина. Тут ваша помощь нужна. Сможете металл перерезать?

ЮЛЯ. Ах вот как? Ну и пожалуйста. Кричи сколько угодно. Но ему вот наплевать на тебя. И вообще всем наплевать. Хотя тебе-то что. Пусть будет, как будет. Это ж «так надо».

ЛАВРЕНТИЙ закончил расставлять колышки и теперь осматривает результат.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну вот. Осталось только лентой обмотать. (*Обращается к ЮЛЕ и САШЕ.*) Вот это, ребята, фронт работ на сегодня. Демонтируем тут все и зачистим для асфальтоукладчиков. Пока есть время, советую свалить самостоятельно. Павел Андреевич церемониться не будет.

ЮЛЯ (*САШЕ*). Ага, слышал?

САША (*ЛАВРЕНТИЮ*). Да мы бы прямо сейчас ушли. Но, знаете, эта ненормальная...

ЮЛЯ (*ЛАВРЕНТИЮ*). И не надейся, мы будем стоять до конца.

САША. Просто тут цепь. Нужна ваша помощь.

ЮЛЯ. Посмотрим, поднимется у вас рука на живого человека.

ЛАВРЕНТИЙ. Минут десять у вас еще есть.

Со стороны города доносится шум автомобильного двигателя.

ЛАВРЕНТИЙ. Хотя, может, и нет.

ЮЛЯ. Не на тех напал!

САША. Давайте вы меня отпустите, и ругайтесь потом сколько хотите.

ЮЛЯ. Поздно. Теперь ты полноценный участник сопротивления.

САША. Вообще не смешно. Мне эти ваши игры уже до смерти надоели. Если бы тут телефон ловил, я бы давно полицию вызвал.

ЮЛЯ. «До смерти» — это ты точно заметил. Мы все здесь призваны...

Двигатель затихает, слышен треск ломаемых ветвей, лязг металла и ругань.

На тропинке показывается ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ.

ЮЛЯ (*прячась за деревом*). Тссс. А вот и главный демон.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну что за люди! Это ж как можно так лес загадить? Все дороги какими-то бревнами перегородили. И не проедешь нормально. Лаврентий?

ЛАВРЕНТИЙ. Я здесь, Пал Андреич.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ты как машину паркуешь, гусь? Все ровное место драндулетом своим занял. А мерседеса куда прикажешь девать? Он к таким ямам да ухабам не приучен.

ЛАВРЕНТИЙ. Да я не думал, что вы сегодня сами приедете.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Думал он. Индюк тоже думал, да в суп попал. Знаешь про такого? «Сам». Эх. Все надо самому делать, Лавруша. Все на контроле держать. Сейчас время такое — чуть зазеваешь, а конкуренты уже цап-царап.

ЛАВРЕНТИЙ. Так, вроде, тут уже решено все...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Если бы. Это ж политика! Один решает, двое отменяют. Вчера на заседании такое повылазило. Бизюков, из мэрии, тоже на эту парковочку рот разинул. Ну да я ему по губешкам настучал.

ЛАВРЕНТИЙ. Вы, Пал Андреич, можете.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Время такое, Лавруша, вынужден я.

ЮЛЯ (*неуверенно показываясь из-за дерева*). А мы вас тут поджидаем уже. Приготовились. Собрали протест.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И эта здесь?

ЛАВРЕНТИЙ. Я их предупреждал...

САША. Мы согласны...

ЮЛЯ. Вы прекрасно знаете, правда на нашей стороне...

САША. Давайте только закончим побыстрее. У меня там личный кабинет всего на пятнадцать процентов сделан.

ЛАВРЕНТИЙ. Но они ж неменяемые.

ЮЛЯ. И мы победим, все равно победим.

САША. Она куда-то туда ключи кинула. Может, у вас миноискатель есть? Или магнит какой-нибудь.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так. А ну-ка послушали все меня.

ЛАВРЕНТИЙ. Да что с ними говорить?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот вы, как вас, Анечка...

ЛАВРЕНТИЙ. Юля.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да. Юля. Вот вы что тут устроили? Что это за клоунада? Что за флажки, что за борьба такая? Против чего, а?

ЮЛЯ. Против беззакония!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Нет-нет. *(Медленно и неотвратно приближается к дубу.)* Против прогресса вы боретесь. Против прогресса.

САША. Вот именно. Приковывает людей ни в чем не повинных.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Устроили какое-то шоу, кричите, как полоумная. *(Поднимает свободный конец цепи.)* Средневековые фетиши у вас тут. Для чего?

ЮЛЯ. И вы еще меня спрашиваете?!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Пока я. А завтра, может быть, прокурор.

ЛАВРЕНТИЙ. Патологоанатом.

ЮЛЯ. Послушайте, вы меня не переубедите...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А я и не собираюсь...

ЮЛЯ. Это все жизненно важно...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Все давно решено...

ЮЛЯ. Это наша жизнь...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Областной центр нуждается в новых офисах.

ЮЛЯ. Лес — это экология...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А бизнес — это экономика. Рабочие места, социальные программы.

ЮЛЯ. И наша история — сам Пушкин здесь был.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И хорошему бизнес-центру нужна удобная парковка. Знаете, грамотное городское планирование, забота о горожанах.

САША. Пожалуйста, позаботьтесь об одном из них, пока он не стал безработным.

ЮЛЯ. Нет! Такая забота нам не нужна.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Юленька, ну что вы артачитесь? Вы же не знаете сути. Не слушаете, что я вам предлагаю. Вчера было общее заседание. И мы, гм, многое поменяли. Учитывая вашу предыдущую критику, я бы сказал.

ЮЛЯ. Вранье!

ЛАВРЕНТИЙ. А, может, ее сразу лопатой?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Зачем же так грубо? Давайте мыслить, как взрослые люди. У меня в машине лежат бумаги. Все подписано губернатором. Не хотите взглянуть?

ЮЛЯ. Исторический дуб я не брошу.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*берет ЮЛЮ под локоть*). Ну, ну. На минутку-то можно? Тем более что здесь останется ваш соучастник, хм, то есть соратник.

ЮЛЯ. Он только недавно вступил в наши ряды. Я не могу его одного оставить.

САША. Простите, я вовсе не...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*уходит, уводя с собой ЮЛЮ*). Но деваться ему все равно некуда. Он вроде как сроднился с вашим любимым дубом.

ЮЛЯ. Можно и так сказать.

САША. Вот это я и хотел обсудить...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ и ЮЛЯ уходят в направлении города.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну что ты разнылся? Тоже мне анархист.

САША. Да чего это я анархист? Она меня сама приковала!

ЛАВРЕНТИЙ. Знаем мы вас, извращенцев.

САША. Послушайте, а вы могли бы помочь мне?

ЛАВРЕНТИЙ. Тебе?

САША. Освободиться.

ЛАВРЕНТИЙ. Серьезно?

САША. Ну да. Вам же и проблем тогда меньше — пилите тут что хотите.

ЛАВРЕНТИЙ. Да? Ну, может и мог бы.

САША. Так давайте ж. Пока она не вернулась.

ЛАВРЕНТИЙ. У, какой быстрый. А кто платить будет?

САША. За что?

ЛАВРЕНТИЙ. Что я с тобой, малахольным, возиться стану.

САША. В смысле?

ЛАВРЕНТИЙ. Только глазки не надо такие делать.

САША. Вы не видите, что меня похитили?

ЛАВРЕНТИЙ. Ну и что?

САША. Как это? Это же преступление.

ЛАВРЕНТИЙ. А мне до лампочки. Ничего не знаю. Может, вы развлекаетесь так. А мне свое время тратить.

САША. Так это что тогда получается? Вы денег хотите, что ли?

ЛАВРЕНТИЙ. А кто не хочет?

САША. Но это же... Тут же очевидно... Ладно, ладно, я заплачу вам.

ЛАВРЕНТИЙ. Сколько?

САША. А сколько это обычно стоит?

ЛАВРЕНТИЙ. Если разовый заказ, то пятьсот.

САША. Отлично, я согласен.

ЛАВРЕНТИЙ. Сначала деньги.

САША. Но... у меня наличных нет с собой. Картой можно?

ЛАВРЕНТИЙ. Через неделю. Когда здесь банкомат поставят.

САША. А до этого?

ЛАВРЕНТИЙ. До этого как-нибудь сам разбирайся.

САША. Но я не могу!

ЛАВРЕНТИЙ. Ага. Начинаешь въезжать, да? Как важно в нашей жизни. Найти нужного специалиста.

САША. Но это же бред какой-то! Мне. Нужно. На работу!

ЛАВРЕНТИЙ. Твои проблемы. И плевать на них все хотели.

САША. Что-то я об этом уже слышал.

ЛАВРЕНТИЙ. Обращайся, как надумаешь.

САША. Но как же так можно? Вы же госслужащий! Это ваш долг!

ЛАВРЕНТИЙ. Ага, держи карман шире. «Госслужащий». Так, шабашка на пару дней подвернулась.

САША. Так вы что? Не с этим? *(Делает неопределенный жест в том направлении, куда ушел ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ.)*

ЛАВРЕНТИЙ. Да если б. Простой работяга. Хлебушек своим горбом зарабатываю. Не то что вы, менеджеры всякие.

САША. Я, вообще-то, веб-программист.

ЛАВРЕНТИЙ. Одна кодла. Хотя... Слышь, программист, у тебя вроде телефончик модный. Я видел.

САША. Он здесь не ловит.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну. Могу купить. Расплачусь сразу. Наличкой. Она тебе пригодится.

САША. Вы что, с ума сошли? Пятьсот рублей за этот телефон?!

ЛАВРЕНТИЙ. Хорошо. Давай семьсот.

Из лесу, со стороны спортивных снарядов, выходит АКИМЫЧ. При ходьбе он опирается на палку. В свободной руке держит листок с крупно напечатанным объявлением.

АКИМЫЧ. Здорово, ребятки. Это тут, что ли, митингуют?

ЛАВРЕНТИЙ и САША удивленно смотрят на него и не отвечают. АКИМЫЧ обходит поляну по кругу. Подойдя к лопатам, стучит по ним палкой.

ЛАВРЕНТИЙ. Ты чего там делаешь, дед?

АКИМЫЧ. Это для субботника, что ли? А, хлопцы? Деревья сажаем?

ЛАВРЕНТИЙ. А ну давай вали оттуда. Нечего госимущество портить.

АКИМЫЧ. О, значит точно субботник. А я вот на митинг пришел. Тут где-то рядом должно быть. В защиту леса.

ЛАВРЕНТИЙ (*подходит к АКИМЫЧУ и подбирает лопаты*). Нету, нету никакого митинга. Иди домой.

АКИМЫЧ. Да у меня вот, объявление.

ЛАВРЕНТИЙ. Это провокация все. Враги, понимаешь, рассылают. Воду мутят.

АКИМЫЧ. Да что там мутить, милый голубчик? У нас эту воду уже месяц, как отключили. Ремонтируют как будто. А что там столько времени ремонтировать?

САША. Дедушка, а вам там ключей по дороге не встречалось?

АКИМЫЧ. Ключей?

ЛАВРЕНТИЙ (*откладывает лопаты, кладет руку АКИМЫЧУ на плечо*). Это он бредит. Буйный. Из областной психической. Его санитары сюда на реабилитацию привозят.

АКИМЫЧ. Как это?

ЛАВРЕНТИЙ. Чтоб свежим воздухом дышал, на природу любовался.

ЛАВРЕНТИЙ уводит АКИМЫЧА обратно в лес.

САША. Что же это получается? Устроили тут дурдом и все разбежались? Эй! Эй, кто-нибудь! Эй! Слышите? Тут человека спасать надо! Помогите!

Затемнение.

Картина вторая

Та же поляна. Около полудня. САША — по-прежнему прикованный — сидит под дубом на валике, скатанном из шерстяного одеяла. Рядом стоит ЮЛЯ с пачкой листовок в руках. Напротив — ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ и ЛАВРЕНТИЙ. ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ нервно расхаживает перед деревом.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И это мое последнее предложение. Последнее.

ЮЛЯ настороженно косится на САШУ. Видя, что тот молчит, выходит немного вперед и готовится декламировать.

ЮЛЯ. Мы... Мы не согласны. Этот бой...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А вас, госпожа-радикалка, никто и не спрашивает. Вот вы, молодой человек, вам что, нравится на цепи сидеть?

САША (*поднимаясь*). Не нравится. Но то, что вы собираетесь сделать, мне не нравится еще больше.

ЮЛЯ. Это битва за счастье. Мы грудью встанем на защиту.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну что это такое, это же какие-то обывательские фантазии! Неужели вы ей верите?

САША (*усаживается обратно*). А я не верю, я сам все вижу.

ЛАВРЕНТИЙ. Ох, студент, дождешься. Скоро и за триста рад будешь телефончик отдать.

ЮЛЯ. Вы своими трюками никого не обманете. Люди все понимают. Жалкий кровосос! Клещ, присосавшийся на теле нашего города!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ой, Юленька, уже достаточно. Давайте по существу.

САША. Я не уйду. Буду защищать дуб.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А теперь послушай меня. Сейчас у нас... (*Внимательно разглядывает часы, поворачивая запястье так и этак.*) Без тринадцати двенадцать. Ровно в двенадцать сюда прибывает съемочная группа федерального телевидения...

САША. Отлично! Вот пусть и снимают.

ЮЛЯ (*размахивая пачкой листовок*). У меня как раз есть наглядные материалы.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*подходя к дубу*). И снимать они будут то, что я скажу.

САША. Это мы еще посмотрим.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*садится возле САШИ на корточки*). Дело ваше, конечно. Но, боюсь, после такого сюжета ваша, молодой человек, карьера в этом городе закончится.

САША. Это еще почему?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну как же. Работодателю не нужны лишние сложности. А после того как ваша, извиняюсь, мордочка будет ославлена на всю страну...

САША. Ну, знаете...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ничего личного, просто бизнес. И у вас еще десять минут на то, чтобы уйти.

САША. А я все равно не уйду. Да. Пусть снимают. В конце концов буду на фрилансе работать.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Значит, вот так ты со мной? Хорошо. (*Встает.*) Лаврентий? Отметь территорию лентой. На камеру все должно быть красиво. А я пока в порядок себя приведу.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ уходит к машине. ЛАВРЕНТИЙ поднимает моток маркировочной ленты и начинает обматывать ее вокруг колышков. ЮЛЯ испуганно наблюдает за этим.

ЮЛЯ (*САША*). Телевидение еще ничего не значит. Нам нужно просто это перетерпеть. Меня тоже с работы выгнали. Но мы должны это сделать. Люди непременно оценят. Это же важно — история, экология.

САША. Я сам вижу, что важно.

ЮЛЯ. Да, это борьба Давида с Голиафом.

САША. Слушайте, а можно без пафоса? Тут от рож этих «бизнесменов» уже тошнит. А еще вы со своей пропагандой!

ЮЛЯ. Ну, знаете. Я думала, мы соратники.

САША. Чего? Да я вас всех видеть вас уже не могу. И эта пропагандистская истерика уже достала.

ЮЛЯ. Что?!

САША. Да. Достала. Но вот так вот рубить исторический лес, просто потому что кому-то это выгодно, — так тоже неправильно.

ЮЛЯ. Вы посмотрите, как интересно! Вот, так, значит?! И нашим, и вашим? Хвостиком всем повилать? Смотрите-ка, святоша у нас тут нашелся!

САША. Да помолчите уже.

ЮЛЯ. Ну нет. Да если б не телевизионщики, я б тебя, предателя, вмиг отсюда выставила, ни секунды...

ЛАВРЕНТИЙ (*продолжая разматывать ленту*). Что, голубки? Последняя соловьиная песня? Припечатает вас Андреич, мокрого места не останется.

ЮЛЯ. А ты тоже заткнись! Смотрите, шестерка какая-то, а тоже с комментариями лезет.

ЛАВРЕНТИЙ. А ты поговори мне еще.

ЮЛЯ. И поговорю!

ЛАВРЕНТИЙ. Я и без Андреича с тобой разберусь. Лопатой — тюк! Закопаю, и не найдет никто.

ЮЛЯ. Еще посмотрим, кто кого закопает.

Причесываясь на ходу, на поляну выходит ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. В свободной руке он несет красочную табличку.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну, что тут у нас? (*Резко останавливается, ошеломленно уставясь на маркировочную ленту.*) Лаврентий! Это вообще что такое?!

ЛАВРЕНТИЙ. Размеченная территория.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Лента! Я тебя, урод, спрашиваю про ленту!

ЛАВРЕНТИЙ. Отличная, правда? Сразу в глаза бросается.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Откуда взялась эта дрянь?

ЛАВРЕНТИЙ. Со стройбазы. Вместе с лопатами брали. Двенадцать пятьдесят метр. Сами же товарные чеки подписывали...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Почему. Она. Такого. Цвета?! Ты что, в ментовке работаешь?!

ЛАВРЕНТИЙ. Было дело. Правда, недолго.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Устроил тут место преступления какое-то! На что это похоже? Что телевидение снимет? Как будто мы тут уже убили кого-то! Вообще сбрендил? С этими спелся?!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ машет расческой в сторону САШИ. Расческа выскальзывает из его пальцев и со щелчком ударяется о ствол дуба.

ЮЛЯ (*испуганно отскакивая в сторону*). Не смейте нам угрожать!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А я на тебя рассчитывал. Табличку, смотри, заготовил. (*Читает надпись на табличке.*) «Экономический объект регионального значения. Освоение территории ведется под личным патронажем Загребайло Павла Андреевича». Каково? Дизайнер оформлял. (*Поворачивает лицевую сторону таблички сначала к ЛАВРЕНТИЮ, потом к САШЕ и ЮЛЕ.*)

ЛАВРЕНТИЙ. Так у меня для нее и колышек свободный остался.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вешать ее в этом уродстве? Совсем одурел? Убирай сейчас же эту ментовскую ленту.

ЮЛЯ (*САШЕ*). Ого! Похоже, в стане врага раскол.

ЛАВРЕНТИЙ. А как же тогда...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*в истерике*). Телевидение будет с минуты на минуту! Убирай!

ЛАВРЕНТИЙ начинает сматывать ленту. ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ нервно ходит по поляне, затем присаживается на ступеньку лестницы-рукохода. Пробует пристроить куда-нибудь табличку, но та отовсюду падает, приходится держать ее в руках. Из лесу на площадку выходит АКИМЫЧ. В руке у него объявление, издалика похожее на табличку, которую держит ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ.

АКИМЫЧ. Милый голубчик, так, может быть, ты на митинг?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А? Что?

АКИМЫЧ. Ты, говорю, бунтовать пришел? По объявлению? (*Подходит к лестнице и протягивает свой листок.*)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что это за чушь? Что мне суешь? Какой бунт? Нет-нет, это не ко мне. У меня вот. (*Показывает АКИМЫЧУ свою табличку.*)

АКИМЫЧ. Да я без очков не угляжу. О чем там?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Стройка здесь будет, дед. Для города парковку строим. Чтоб машины, бизнесмены, вот это вот все.

АКИМЫЧ. А ты прорабом тут, что ли?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да нет. Я тут куратор. Депутат.

АКИМЫЧ. О, так я ж как раз к тебе, милый голубчик.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Нет-нет, дед, бунтовать — это вон к ним. А я за порядок.

АКИМЫЧ. Так и я за порядок, милый голубчик. Только ж какой это порядок? Месяц у нас, целый месяц воды нету. Ни помыться, ни огород полить.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*торопливо вставая со ступеньки*). Знаешь что? Ты с этим вопросом по месту жительства обращайся. А я из областной думы. Да и вообще — дела у меня.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ почти бегом направляется к дубу. АКИМЫЧ, оставшись в одиночестве, растерянно озирается, потом идет к ЛАВРЕНТИЮ, закончившему сматывать ленту.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*подходя вплотную к ЮЛЕ и САШЕ*). Ребятки, тут такое дело. Телевидение вот-вот приедет. А у нас там немного не готово.

ЮЛЯ. А у нас все готово.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. В общем. Не одолжите на полчаса свою цепь? Нам надо нормальное ограждение сделать.

САША. О как!

ЮЛЯ. Ничего святого!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. По существу давайте. (*Взяв табличку под мышку, лезет в карман за бумажником.*) Я оплачу аренду.

САША. Наличными, надеюсь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Разумеется.

ЮЛЯ (*САШЕ*). С ума сошел?

САША. Просто интересно.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так сколько?

Раздается дребезжание велосипедного звонка, и на поляну, едва не сбив ЛАВРЕНТИЯ, выкатывается КАТЯ.

КАТЯ (*спрыгивая с велосипеда и близоруко шурясь*). Фух, вроде это здесь. Опоздала немного, но ничего.

ЛАВРЕНТИЙ (*отходя в сторону*). Ой-ёй, девушка. Поаккуратней нельзя?

КАТЯ. Простите, я торопилась. А это здесь будут строить парковку?

ЛАВРЕНТИЙ. Ну?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*идет КАТЕ наперерез*). Нет-нет, дамочка. Это частная собственность. Покиньте, пожалуйста...

ЮЛЯ. Ага! Наших все больше!

САША. Что-то до этого вообще ни одного не было.

ЮЛЯ. Люди готовились.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Покиньте, пожалуйста, территорию. Во избежание дальнейших сложностей.

КАТЯ. Но мне же именно сюда надо. Подождите, у меня... (*Роется в сумке и находит там удостоверение внештатного корреспондента*.) Вот.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ удивленно рассматривает удостоверение, потом передает его ЛАВРЕНТИЮ. ЮЛЯ немного отходит от дуба.

ЮЛЯ. Что у них там такое?

САША. Не похоже на единомышленников, да?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*КАТЕ*). Эээ. Хм. А вы... с кем-то?

КАТЯ. Нет, я одна. В газете штат сократили, свободных людей нету. Но вы не волнуйтесь, я сама прекрасно справлюсь. Я ничем не хуже штатника.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А как же камера?

КАТЯ. Какая? Ах, это! (*Вытаскивает из сумки простенький фотоаппарат*.) Да, я и сфотографировать сама могу.

ЛАВРЕНТИЙ. Огонь-баба.

АКИМЫЧ (*протискиваясь к КАТЕ поближе*). Дочка, а ты про воду написать можешь? Второй месяц воды у нас нет. В газете бы кто рассказал об этом.

КАТЯ. Мужчина, подождите. У меня конкретный заказ. Мне нужен... Эээ. «Павел Андреевич Загребайло». У редактора с ним договоренность.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Хмм. Но мы ждали телевидение.

ЮЛЯ (*усердно размахивая руками*). Здесь он, здесь. Девушка, скорее сюда.

КАТЯ. Там? (*Вскидывает фотоаппарат и делает несколько снимков дуба*.) Уже бегу.

ЛАВРЕНТИЙ (*загораживая ей дорогу*). Куда?

ЮЛЯ. Чудовище! Не стой на пути свободы!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*приходя в себя и принимая благообразный вид*). Павел Андреевич — это я.

КАТЯ. А? Хм. А вон там тогда кто?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Представители социальных низов, иждивенцы и деклассированные элементы.

КАТЯ. В смысле?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Личности, не достойные вашего внимания. Давайте лучше поговорим о деле.

САША (ЮЛЕ). Похоже, зло торжествует?

ЮЛЯ. Продажные СМИ всегда на их стороне.

САША. Что будем делать? Ждать, когда придут непродажные?

ЮЛЮ. Пока просто ждать. Непротивление злу насилием — вот наш путь.

САША. Ну да. Конечно. А также отсутствие работы, денег и жизнь в коробке от холодильника.

ЮЛЯ. Это наш крест.

КАТЯ (ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ). Да, давайте о деле. (Вешает фотоаппарат на шею, достает из сумки большой блокнот и ручку.) В редакции мне сказали, что вы строите здесь парковку.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну-ну, что за неудачные обобщения. Я — как представитель депутатского корпуса — курирую возведение важного для региона объекта.

КАТЯ. Да-да, я поняла. Губернатор в доле, в смысле — в теме.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот именно. Строительство нового бизнес-центра положительно скажется на экономике всей области. И в первую очередь, конечно же, это коснется нашего любимого города.

КАТЯ (записывая). Ага. И какие-нибудь детали?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Сколько угодно. Вот, полюбуйтесь. Благоустроиваем территорию. Горзеленстрой нам помогать отказался. Так что работа ведется на общественных началах, силами волонтеров. (Похлопывает ЛАВРЕНТИЯ по плечу.)

КАТЯ. А разве бюджет...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Какой бюджет, я вас умоляю? Все из финансируется из моего личного кармана. Еще, конечно, меценаты, люди, которым небезразличен город.

КАТЯ. Да-да, конечно, такой важный проект.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы правильно ухватили суть.

АКИМЫЧ (из-за спины ЛАВРЕНТИЯ). Внушенька, ты бы и за воду замолвила там словечко?

КАТЯ (не отрываясь от блокнота). Какую воду?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Никакую. У вас есть четкая тема.

КАТЯ. Это да. А можно теперь пару фотографий?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Разумеется. Работы еще ведутся, так что вид не очень презентабельный. Давайте, может быть, вот с этого ракурса. Начать можем с меня. Да. Теперь еще кадр в компании волонтеров.

КАТЯ фотографирует ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА в разных ракурсах. Потом к нему присоединяются ЛАВРЕНТИЙ и АКИМЫЧ. АКИМЫЧ позирует, держа в руках дизайнерскую табличку.

ЮЛЯ. Какой позор.

САША. Как будто ожидалось что-то другое.

ЮЛЯ. Я не знаю.

САША. И зачем тогда весь этот цирк? *(Приподнимает пристегнутую ногу и слегка позвякивает цепью.)*

ЮЛЯ *(закивая)*. Это. Борьба.

САША. Ну да. Бобра с ослом.

ЮЛЯ. Чего?

САША. Да ничего. Все вы хороши!

ЮЛЯ. В смысле?

САША. Как будто непонятно? Там вон кучка уродов. И ты ничем их не лучше.

ЮЛЯ. Да? Смотри какой! И что ж ты сам тогда сидишь тут?

САША. И сажу.

ЮЛЯ. И чего сидишь?

САША. А я, может, как Пушкин. Отдыхаю. Под деревом.

КАТЯ *(ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ)* Снимков уже хватит. Хотя. Может быть, еще вот этих людей сфотографировать? *(Указывает на САШУ и ЮЛЮ.)*

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Эти люди вас не интересуют.

КАТЯ. Понятно. Тогда звоню в редакцию, вдруг будут какие-то уточнения.

ЛАВРЕНТИЙ. Здесь связь не ловит.

КАТЯ. Как это? *(Достаёт телефон, видит, что связи нет.)* Но обязательно нужно позвонить. Я на велосипеде сюда ехала. Если что-то доделывать отправят, даже не знаю, как еще раз добираться.

ЛАВРЕНТИЙ. Если прям очень надо, тогда на дерево лезь. Высоко залезешь — заработает. Всегда так.

КАТЯ. Хорошая мысль. *(Щурясь, оглядывает поляну.)* О, я попробую на лестнице. *(Торопливо идет к рукоходу.)*

АКИМЫЧ. Э, доченька, ты куда? Про воду и не послушала ничего.

ЮЛЯ. Наш шанс. *(Подскакивает и суетливо бежит за КАТЕЙ.)* Девушка! Девушка!

КАТЯ уже забралась на верхнюю часть рукохода. ЮЛЯ останавливается у нижней ступеньки и пытается привлечь внимание журналистки.

КАТЯ (*глядя в экран телефона*). Смотри-ка, работает. Две полосочки. (*Глупо хихикает.*)

ЮЛЯ. Девушка, послушайте. (*Пытается ухватить КАТЮ за ногу.*) Вы не хотите дать полноценное освещение проблемы? Выслушать оппозицию?

КАТЯ. Чего?

ЮЛЯ. Журналистское расследование. Я вам три раза писала в редакцию, но, наверное, письма не дошли.

КАТЯ, прижимая телефон плечом, вяло отмахивается.

КАТЯ (*в трубку*). Алло? Это Катя Шишова. Я вот сейчас здесь, в лесу. Да, где Загребайло. Это про парковку.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*ЛАВРЕНТИЮ*). Убери-ка оттуда эту бесноватую.

ЛАВРЕНТИЙ идет к спортплощадке. Воспользовавшись его отсутствием, АКИМЫЧ подходит к ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ.

АКИМЫЧ. Отец родной, заступник! Хоть ты защити. Ну, целый месяц же воды нет. Ни огород полить...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*лениво*). Да не мое это дело, дедуля. Я ж тебе объяснял уже.

ЮЛЯ (*пытаясь добраться до КАТИ*). Послушайте, вы же не знаете всей правды. Это мошенники. Хотят погубить историческое достояние.

КАТЯ (*отвлекаясь от телефона*). Что ты ко мне лезешь? Какое еще достояние? У газеты правительственный заказ. Он оплачивается. Освещение деятельности депутатского корпуса. А ты кто такая? (*Возвращается к телефону.*) Что значит «проект закрыт»? Куда перенесли?

ЛАВРЕНТИЙ (*кладет руку ЮЛЕ на плечо*). Ну все, стрекоза. Допрыгалась.

ЮЛЯ (*сбрасывая руку*). Ааа, палачи! Инквизиторы! (*Лезет вверх по лестнице.*)

САША. А ну не трожь ее!

САША ищет, что бы кинуть в ЛАВРЕНТИЯ. Рука натывается на депутатскую расческу. САША бросает ее со всей силы, попадая в плечо противнику.

ЛАВРЕНТИЙ. Ах ты! Ну сейчас дождешься, студент. Я вот только здесь закончу.

КАТЯ (*убирая телефон в сумку и торопливо спускаясь*). Пропустите меня. Да пропустите же. Ну, мужчина, что встали?! Дайте пройти. И так столько времени на вас потеряла.

ЛАВРЕНТИЙ. Да иди себе, кто тебя держит.

КАТЯ подходит к велосипеду и поднимает его.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Все в порядке? Редактор утвердил?

КАТЯ (*со слезами в голосе*). Нет! Представьте себе.

САША. Ага!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Подождите. Что значит — «нет»?

КАТЯ. А то!

КАТЯ роняет велосипед на землю и плачет, закрывая лицо руками. ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ подходит ближе и сначала робко, а потом все смелее обхватывает ее за плечи.

КАТЯ. Статья эта никому не нужна. Ваш проект закрыли. Ни парковки, ничего. Будет какая-то крытая. Вон там, за больницей.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Это Бизюков, что ли, козни строит?

КАТЯ. Наверно. Не знаю.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да точно он. Сволочь продажная.

КАТЯ. И зачем я только ехала сюда. Полдня потеряла. А у меня дома не глаженного целая гора. И за ребенком смотреть некому!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что за твари. Вечно все портят. (*Вдруг как будто преобразается и с улыбкой поворачивается к КАТЕ.*) Ну-ну, обидно, я понимаю. Но не конец света. Что-нибудь мы сейчас придумаем.

Затемнение.

Картина третья

Та же поляна. После полудня. Посреди поляны в качестве импровизированного стола разложено одеяло, на котором когда-то сидел САША. Поверх одеяла лежит нехитрая еда и коробка с выдержанным коньяком. Во главе стола расположился ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. По одну руку от него КАТЯ и ЛАВРЕНТИЙ. По другую — АКИМЫЧ. ЮЛЯ стоит у дальнего края одеяла. САША по-прежнему пристегнут к дереву.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Друзья. Я не просто так просил собраться. Вы все уже в курсе, что произошло.

КАТЯ (*всхлипывая*). Полдня. Целых полдня я сюда ехала.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Об этом и речь! Корреспондент регионального издания тратит свое время. И что мы узнаем? Коррупционеры из мэрии закрыли наш проект!

ЛАВРЕНТИЙ. Мне-то хоть заплатят? Я, в отличие от писаки, работал по-настоящему.

АКИМЫЧ. О чем только думают в этой мэрии?

ЮЛЯ. По крайней мере правда восторжествовала.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (ЮЛЕ). Ошибаетесь, госпожа-анархистка. Но мы сейчас не об этом.

САША. Так что ж получается? Мы все-таки отстояли историческое древо?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Отстояли. И предлагаю это отпраздновать прямо сейчас.

ЮЛЯ (САШЕ). Какое лицемерие!

ЛАВРЕНТИЙ. Давно пора. *(Перегибается через стол и вытаскивает бутылку из коробки.)*

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (ЛАВРЕНТИЮ). Не так быстро. Это наше стратегическое оружие. Будем использовать адресно и бить по точным координатам.

КАТЯ. А мне что теперь делать? Эту статью никто не оплатит.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну-ну, моя дорогая, у вас впереди прекрасное будущее. Вы, кажется, говорили, что освещаете деятельность депутатского корпуса?

КАТЯ. А что?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так вот он, депутатский корпус. Непосредственно перед вами. *(Дурашливо поводит плечами.)*

КАТЯ. Я что-то не пойму.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот мы с вами сейчас посидим немного. А потом начнем расследование. Серьезное и скандальное расследование нарушений в земельном фонде.

КАТЯ и ЮЛЯ *(одновременно)*. Как это?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А так, милые дамы. Думали, я позволю происходить такому беззаконию? Ну нет. Я этого Бизюкова прищучу.

САША. Ого. Становится все веселее.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Итак, прошу к столу. Закуска скромная, кто что смог. Австрийские конфетки у меня в машине завалялись. Лаврентий любезно поделился бутербродами.

САША. Я свой батончик мюсли отдал.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да, шоколадка от господина студента.

САША. Я уже давно не студент!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Неважно. Приступим господа и дамы.

ЛАВРЕНТИЙ раздает пластиковые стаканчики. ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ разливает коньяк и предлагает всем угоститься конфетами из большой коробки.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Для одной важной встречи берег. Но для друзей ничего не жалко.

САША. Ой-ёй, ребята. А, может, мы сначала ключи от замка поищем, а то как-то нечестно получается.

АКИМЫЧ (*благословенно держа в руке стаканчик*). Ну что ты лезешь поперек батьки?

ЮЛЯ (*устало*). Да не надо ничего искать. Вот. (*Вытаскивает из кармана и бросает САШЕ ключи.*)

ЛАВРЕНТИЙ. О. Так просто?

ЮЛЯ. И что такого? Я что — ненормальная, настоящие ключи выкидывать?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот она, наша оппозиция.

САША расстегивает замок, трет щиколотку.

ЛАВРЕНТИЙ. Долго тебя ждать, студент?

САША (*подходя к столу*). Да я как бы на работе.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*протягивает ему стакан*). Подозреваю, что уже нет.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну, будем.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. За торжество справедливости.

Все чокаются и выпивают.

САША (*разглядывая пустой стакан*). Сколько, интересно, такой коньяк стоит?

ЛАВРЕНТИЙ (*отщипывая кусочек бутерброда*). Лучше не спрашивай.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да, дорогой. В кабинетик один надо было занести. Но — все для фронта, все для победы.

ЮЛЯ. Это мы, по-вашему, фронт?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А почему нет? Вот, реликтовый дуб отстояли.

АКИМЫЧ. А, может, и с водой так получится? Месяц уже мучаемся.

ЮЛЯ. Подождите-подождите, это что же такое получается?

ЛАВРЕНТИЙ. Получается, что между первой и второй наливкой еще четыре. (*Берет со стола бутылку, обходит всех, наполняя стаканы.*)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Юленька, вы умница. Сохранили дуб, под которым отдыхал сам Пушкин.

ЛАВРЕНТИЙ. Будем!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. За силу единства.

Все чокаются и выпивают.

КАТЯ (*роняет свою конфету и пытается вытащить из коробки другую*). К вашему сведению, то, что Пушкин приезжал в наш город, — это миф.

ЮЛЯ. Что?

КАТЯ. Представьте себе. Нам про это в институте рассказывали.

САША. Ну что, прикольно.

ЛАВРЕНТИЙ. А у нас, оказывается, есть ВУЗ для журналистов?

КАТЯ. Это педучилище было. Неоконченное. Но я все равно считаю как институт.

ЮЛЯ. Да что там у вас понимают!

КАТЯ. Это факт. Не было никакого Пушкина. Да и вообще. Нам надо приви... прививать любовь к своим, местным поэтам. Скворцов, Косенко — это все любовь... к малой родине! Вот к этому. К лесу, к деревьям, к траве. К своему, родному.

САША. Это уже бред какой-то.

ЛАВРЕНТИЙ. Давайте-ка добьем бутылочку. *(Разливает по стаканам.)*

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Стоп-стоп-стоп. Это что это мы тут слышим? Как это — Пушкина не было? Пушкин — наше все! Его надо любить и почитать. Да. И какая еще «малая родина»? Родина должна быть одна. С большой буквы «Р»!

ЛАВРЕНТИЙ. Р-ррр. Р-ррр. *(Изображает из себя льва, качает головой, наклоняясь к ЮЛИНОМУ уху.)*

ЮЛЯ. Да отвяжись ты.

ЛАВРЕНТИЙ. Пожалуйста. Давайте тогда выпьем.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. За поэзию!

Все чокаются и выпивают.

ЛАВРЕНТИЙ. Коньяк алес. *(Поднимает над головой перевернутую бутылку.)*

САША. Тогда по домам пойдём?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Постойте секунду. Неужели вы не чувствуете красоту момента? Как у нас тут поэтично все получилось. Вон, даже дуб с цепью. Натуральное Лукоморье.

ЛАВРЕНТИЙ. Ха, точно. Только kota ученого не хватает. Слышь, студент, твоя фамилия случайно не Котов?

САША. Пушкин.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Александр Пушкин. А что. В этом тоже что-то есть.

ЮЛЯ. Вот вы тут смеетесь, а я, между прочим, в эту историю с Пушкиным верила.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну-ну, Юленька, с кем не бывает.

ЛАВРЕНТИЙ. Да я б тоже поверил.

ЮЛЯ. Я из-за этого даже стихотворение сочинила. Про нашу борьбу. Трагическое.

ЛАВРЕНТИЙ. Опа. А чего молчишь? Давай, залезай на стульчик.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да, Юленька, просим, просим.

ЮЛЯ. «И древо падет» называется.

ЛАВРЕНТИЙ. Я уже плачу.

КАТЯ. А я... а я... Ой, что-то мне плохо.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так. Стоп. Катя? Вы нужны нам.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ и ЛАВРЕНТИЙ подбегают к КАТЕ и берут ее под руки.

КАТЯ. У меня все перед глазами кружится.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ничего-ничего, это пройдет. Пойдемте, я вас отвезу. Хотя нет, вам лучше к Лавруше в машину. Там и для велосипеда место найдется.

Поверх КАТИНОЙ головы ЛАВРЕНТИЙ жестами показывает, что выпил. ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ также жестами успокаивает: если остановит полиция, можно ссылаться на него.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы главное, Катенька, запомните: завтра мы с вами встречаемся и обсуждаем материал по разоблачению этого подлеца Бизюкова.

КАТЯ (*обвиснув на руках сопровождающих*). Не знаю, одобрит ли редактор.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А вот тут вам придется постараться, дорогая.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ и ЛАВРЕНТИЙ уводят КАТЮ по тропинке.

ЮЛЯ. Ой, а что ж я сижу. Может, они меня и до остановки подбросят? (*Вскакивает и суетливо собирает свои вещи.*) Ну все, ребятки, все молодцы, всем спасибо. (*Убегает по тропинке*). Подождите!

Слышно, как заводится двигатель. Потом шуршат шины отъезжающего автомобиля.

САША. Ну и дела. То рубим дуб, то не рубим дуб. Психбольница какая-то. (*Берет со стола половинку бутерброда и задумчиво жует.*) А я из-за них дедлайн профукал. Пойти на работу, что ли, позвонить? (*Встает, подходит к лестнице-рукоходу и забирается на самый верх.*)

АКИМЫЧ. Разбежались. Что за народ? Всё бегают, бегают. Время какое-то дурное. (*Обходит стол, выглядывая, не осталось ли что в стаканах. Сликает в один, выпивает.*) А коньяк хороший. Армянский, должно быть. (*Садится, берет последний бутерброд, медленно жует.*) Н-да, колбаса нынче не та. При союзе колбаса была — чистое мясо. А это? Тьфу. (*Продолжает есть.*)

САША. Алло. Серега? Я. Ну прости, братан. Да ты не поверишь, тут такое вообще было.

Возвращается ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так. Ну что, посторонние разошлись? Можем приступать.
(Хлопает АКИМЫЧА по плечу.) Что, старик, готов поработать?

АКИМЫЧ (торопливо дожевывая). Поработать?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А ты как думал? Баш на баш. Я за твою воду словечко замолвлю. А ты мне поможешь этот дуб снести.

АКИМЫЧ. Как это «снести»?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот этими самыми ручками, дедуся.

АКИМЫЧ. А. Ну, если воду дадут, я согласен.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что значит, «если»? Бери лопату, пойдем.

Оба берут по лопате и идут к дубу.

САША (заметив их, говорит в трубку). Подожди-ка секунду. (АКИМЫЧУ и ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ.) Э, а вы это чего там делаете?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (оборачиваясь). О, да здесь и господин-защитник леса, оказывается.

САША (убирая телефон в карман). Ну, защитник. И что?

АКИМЫЧ. Может, я тогда это, попозже подойду?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Не надо. Все под контролем. Раньше начнем, раньше закончим.

САША (перебираясь на самый край лестницы, откуда лучше видно дерево). Вы это что задумали?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (подходя к лестнице). Саша. Вы же, кажется, приезжий?

За деревьями слышен шум подъезжающей машины.

САША. И что?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну как же. Приехали покорять столицу региона. А вместо это занимаетесь непонятно чем. Вряд ли родители одобряют такое поведение.

САША. А что это вы вдруг таким заботливым стали?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А это мой долг, Сашенька. Заботиться об избирателях.

Появляется ЛАВРЕНТИЙ. Завидев его, САША спускается с лестницы.

ЛАВРЕНТИЙ. Что б я еще раз двух пьяных баб вез! Да ни за что. Как только бомбилы с ними справляются?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. О, Лаврентий, ты как раз вовремя.

ЛАВРЕНТИЙ. Как всегда, Пал Андреич. Проблемы какие-нибудь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. У нас тут, понимаешь, святоша объявился.

ЛАВРЕНТИЙ. Это кто это?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да вот, разреши тебе представить. Александр, борец за права униженных и оскорбленных. (*Указывает рукой на приближающегося САШУ.*)

САША. Что вы все шутите?

ЛАВРЕНТИЙ. И что с этим Сашей?

АКИМЫЧ. Не дает нам дуб этого, Пушкина, валить.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да он уже и не Пушкина.

САША. Какая разница.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Никакой, Сашенька, ты прав.

ЛАВРЕНТИЙ. Отвали лучше.

САША. Ну нет. (*Подходит к дубу и становится перед ним, заслоняя своей спиной.*) Вы не имеете права.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*приближается к дереву, жестами показывая остальным, что надо окружить САШУ*). Имеем, Сашенька, имеем.

САША. И все равно я вам не позволю.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Не вынуждай нас идти на крайние меры.

ЛАВРЕНТИЙ. Давно уже пора.

АКИМЫЧ. Сынок, ты бы, правда, ушел бы по-хорошему, а?

САША (*ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ*). Зачем вам это? Сказали же — не будет ничего, закрыли вашу парковку.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Сегодня закрыли, завтра откроют. А там, глядишь, у меня и место уже готово.

САША. Да как же можно быть такой сволочью?

АКИМЫЧ. Ты на себя посмотри, бесстыдник!

ЛАВРЕНТИЙ. А ведь какие возможности были у парня.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да тут все такие. Просто бизнес. Надо как-то на жизнь зарабатывать.

САША. Все? Хорошо. Пусть так. Но пока я здесь — ничего у вас не получится. А завтра... завтра сюда приедет полиция, прокуратура, кто угодно. Я сам заявление напишу. Пусть разбираются.

ЛАВРЕНТИЙ. Не, ну ты вообще, что ли, контуженый?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Никакого завтра не будет, мальчик.

САША. А это не вам решать.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы посмотрите, какой у нас тут боевой петушок. Не хочет сдаваться.

ЛАВРЕНТИЙ. Да о чем с ним говорить?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Тоже верно. Без обид, Саш, ты сам это выбрал.

Кольцо из трех человек медленно сжимается вокруг дуба. Затемнение.

Картина четвертая

Поляна погружена в темноту, и только ближний ее край немного освещен. Здесь стоят два стула. На стульях сидят КАТЯ и ЮЛЯ.

ЮЛЯ. Ну как, не лучше?

КАТЯ. Лучше. Хотя нет. Не лучше.

ЮЛЯ. Тошнит.

КАТЯ. Тошнит, тошнит. От всего тошнит.

ЮЛЯ. Я вообще-то серьезно спрашиваю.

КАТЯ. Ой, какие мы вдруг заботливые стали.

ЮЛЯ. Ах так, значит? Ну и пожалуйста. Хамит она еще мне. Иди проспись лучше.

КАТЯ. А нечего мне указывать.

ЮЛЯ. А нечего МНЕ указывать.

Замахиваются друг на друга, но опускают руки. Отворачиваются в разные стороны. Через какое-то время у ЮЛИ звонит телефон.

ЮЛЯ. Алло? Да. Нет. Нет, уже домой еду. На такси, на чем же еще! Ну вроде бы. Да, формально вроде бы победили. То есть сегодня никто ничего не спилил... Не знаю. Слушай, я вообще не хочу говорить на эту тему. Совсем. Можно, я просто приеду домой, и мы там поговорим об этом. Хотя нет, не поговорим, не хочу даже вспоминать про этот лес. Одна нервотрепка. Все, пока. И я тебя.

Едут молча.

КАТЯ (*глядя прямо перед собой*). Все равно спият.

ЮЛЯ. Я ничего не слышу.

КАТЯ. Спият. Они уже всем заплатили за это.

ЮЛЯ. А? Что? Чего-то в машине так шумно.

КАТЯ. Спият, спият, спият, спият.

ЮЛЯ. Это да. Они там в администрации успешно пият. Бюджеты разворовывают. Во всяком случае говорят так. Всякие журналисты. Но я этого не видела, за руку их не ловила, ничего не знаю и знать не хочу.

КАТЯ. Они. Там. Все. Спият.

ЮЛЯ. Да что ж такое. Говорите как-то неразборчиво. Вы, может, устали? Или выпили чего.

У КАТИ звонит телефон.

КАТЯ. Ой, где это? Это ж мой. А времени сколько? Давно надо было позвонить! *(Пытается откопать в сумке телефон и одновременно жестами спрашивает у ЮЛИ, сколько времени.)*

ЮЛЯ. От же чучело.

КАТЯ *(в телефон)*. Я еду, уже еду. Не знаю, еще минут двадцать, может быть. Сейчас в окно гляну... нет не пойму, что за район. Ну почему на велосипеде? На такси. Велосипед завтра привезут. Так получилось, оставила его там, ну, на полянке, куда на репортаж ездила. Да-да, спешу, как могу. А вы там чего? Покушала она? Хорошо. Только мультиками не увлекайтесь. Сколько?! Да ей больше двадцати минут нельзя! Врач так сказал.

ЮЛЯ. А, ну разумеется. Несчастливая мать-одиночка. Голод заставил работать на режим.

КАТЯ *(ЮЛЕ)*. Отвали.

ЮЛЯ. О, узнаю эти казарменные манеры.

КАТЯ *(в телефон)*. Ладно, я уже скоро буду. Там поговорим. Все, все, пока.

КАТЯ долго убирает телефон туда, откуда его вытащила. ЮЛЯ молча смотрит.

КАТЯ. Нечего так смотреть. Вон, на дорогу смотри. Сейчас проедешь, куда там тебе надо.

ЮЛЯ. Не-не, все нормально. Я же понимаю.

КАТЯ. Ничего ты не понимаешь.

ЮЛЯ. Да все понимаю.

КАТЯ. Нет.

ЮЛЯ. Да.

КАТЯ. Сказано тебе — нет.

ЮЛЯ. А вот и да. У меня, может, такие же проблемы.

КАТЯ. Да у тебя-то откуда? У вас же, у «несогласных» все хорошо. Это мы мучаемся...

ЮЛЯ. Так и мы страдаем...

КАТЯ. Да конечно. У вас вон все просто и понятно. Полдня на улице постояли, деньги свои получили — и домой. А, как дура, бегаю, на двух работах суечусь, только б подзаработать где.

ЮЛЯ. «Деньги получили»? Что за бред?

КАТЯ. Ой, не надо. Все взрослые, все всё понимают. А из-за вас я сегодня целый день убила. И мне еще и не заплатят. Но вам-то что?

ЮЛЯ. А мы дуб отстояли. Исторический.

КАТЯ. Да кому он нужен? И не исторический, кстати. Не было там никакого Пушкина.

ЮЛЯ. Да какая разница?!

КАТЯ. Вот именно! Какая разница? Провели б там какой-нибудь утренник, что ли. Мне бы такую статью оплатили. А вы что? «Протест»! Никакого смысла. Там не парковку, так дом простроят. Или еще что-нибудь Все равно. А вы ж лезете, вам же больше всех надо.

ЮЛЯ. Потому что — кто, кроме нас?

КАТЯ. Да никто! Вам чего, мест других нет? С собачкой негде погулять? Деревья в городе кончились?

ЮЛЯ. Это принцип. Это... мы должны противостоять. Своеволию. Произволу.

КАТЯ. Ха, должны. А я вот тоже всем должна. За квартиру должна, за новую куртку для ребенка должна. А вы, вы...

ЮЛЯ готовится что-то ответить, но у нее звонит телефон. Она берет трубку и отворачивается.

КАТЯ (*ни к кому не обращаясь*). Делать вам нечего. Времени свободного много. Вот и топчетесь. Где попало.

У КАТИ звонит телефон, и она снова пытается достать его оттуда, куда закопала. ЮЛЯ что-то односложно отвечает своему собеседнику и периодически кивает. Катин телефон все звонит.

ЮЛЯ (*таксисту*). Вот там за следующим перекрестком остановите.

Затемнение.

Картина пятая

Та же поляна. Смеркается. Под дубом, повернувшись к нему спиной, стоит САША. Напротив него — ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Справа и слева — ЛАВРЕНТИЙ и АКИМЫЧ с лопатами в руках.

САША. Да как же так можно? Неужели ничего внутри у вас не дрогнет? Посмотрите, какой дуб! Великан, красавец! (*Поворачивается и с силой бьет ладонью по коре дерева.*) А вы ему корни рубить собрались.

Последние слова САШИ тонут в громком треске. Потрявоженный ударом дуб резко наклоняется и величаво падает, скрывая под своей громадиной испуганно взвизгнувшего АКИМЫЧА.

ЛАВРЕНТИЙ. Ё-маё. Вот это припечатал. (*На всякий случай отходит подальше.*)

САША. Да... Как... Я же. Я не этого хотел. (*Садится около вывороченной корнями ямы и закрывает руками голову.*)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Зато силища какая. Прямо семерых одним ударом. Как там обычно говорят? «Вся сила в правде. У кого правды больше, тот и сильнее»?

ЛАВРЕНТИЙ. Ударил нормально.

САША. Как же так?

ЛАВРЕНТИЙ. Молодец, молодец. Пойдем, покажу, какие еще деревья свалить надо. С тобой мы тут за полчаса все расчистим.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да ладно тебе, Лавруша. Дай ему проиграть с достоинством. Основное дело он сделал.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну, пусть живет. Я тогда... хотя, раз такие дела, может, уже и закончим на сегодня.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ *(с удовольствием потягиваясь)*. Можно и закончить. Не сами ж мы будем ветки отсюда вытаскивать.

ЛАВРЕНТИЙ. Тут работы на неделю.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ничего. Завтра студентов каких-нибудь пригоним. Или солдат. Так все вычистим — мама не горюй. *(С хозяйским видом разгуливает по поляне, жестами отмечая фронт работ.)*

ЛАВРЕНТИЙ. Значит, я инструмент грузу?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Грузи.

ЛАВРЕНТИЙ ходит по поляне, подбирая лопату, одеяло и прочие полезные вещи. В это время САША поднимается и обходит поваленное дерево, часто останавливаясь и что-то разглядывая в ветвях. ЛАВРЕНТИЙ, закончив, направляется к тропинке, ведущей к машине.

ЛАВРЕНТИЙ *(останавливаясь)*. А с этим ниндзей что делать?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Пусть здесь остается. Он же хотел дуб охранять.

ЛАВРЕНТИЙ. Да как-то темнеет уже.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ох, Лавруша, добренький ты не в меру. Нет в тебе политической жесткости.

ЛАВРЕНТИЙ. Ну так — вроде ж пили вместе.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ха, пили. Скажешь тоже. *(САШЕ.)* Эй ты, разрушитель. В город поедешь? Могу подбросить.

САША. А?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Собирайся, говорю, уезжаем.

САША. Нет.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Чего «нет»?

САША. Я здесь останусь.

ЛАВРЕНТИЙ. Дурак, что ли?

САША. Я не могу уйти.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну как знаешь.

ЛАВРЕНТИЙ и ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ собираются уходить.

САША. Подождите!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*оборачиваясь*). Одумался?

САША. Простите, вы не могли бы оставить мне лопату?

ЛАВРЕНТИЙ. И зачем?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*с ироническим пафосом*). Наверное, дуб сажать будет.

САША. Как вы догадались?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ты что, серьезно?

САША. Конечно. Тут полно желудей.

ЛАВРЕНТИЙ. Вот идиот. И когда они, по-твоему, взойдут?

САША. Когда-нибудь взойдут.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Воистину, когда Господь хочет наказать кого-нибудь...

ЛАВРЕНТИЙ. Так чего, оставить ему лопату?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну, оставь.

САША. Спасибо. (*Бежит за лопатой. Забрав ее, возвращается к дереву.*)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Кстати, а где еще одна? У нас же, если не ошибаюсь, две было.

ЛАВРЕНТИЙ. Кого?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да лопат этих.

ЛАВРЕНТИЙ. А. Я думал, вы про баб говорите. Которых я в город возил.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да сдались мне эти бабы. Где лопата еще одна? Я за них из своего кармана плачу.

ЛАВРЕНТИЙ. Да здесь где-то была.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так возьми, если была.

ЛАВРЕНТИЙ. Сейчас. Ее еще этот, старикан, таскал.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. И где этот старикан?

ЛАВРЕНТИЙ. Да он вроде...

Одновременно оба осознают, что АКИМЫЧ попал под дерево. Оба с испугом глядят друг на друга, потом переводят взгляд на поваленный дуб. Там САША, набив карманы желудями, роет лунки.

ЛАВРЕНТИЙ. Эй, студент. Ты это, ты там не видел...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы там случайно не заметили...

В том месте, где когда-то стоял АКИМЫЧ, раздается треск ветвей. Вскоре из-за дерева выходит и сам исчезнувший.

АКИМЫЧ *(продолжая давно начатую речь)*. И ни единой царапины. Чудо. Как есть чудо!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ *(облегченно)*. Обошлось.

ЛАВРЕНТИЙ. Что-то я не вижу у него лопаты. *(Идет к АКИМЫЧУ.)* Дедуля? Ходи сюда.

АКИМЫЧ *(медленно обходит крону поваленного дерева)*. Ни одна веточка, ни одна иголочка. Как в мамкину люльку лег. Грохнуло, треснуло, и ни царапинки. *(Оглядывает себя с несколько обалдевшим видом.)*

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот и хорошо, что хорошо кончается.

ЛАВРЕНТИЙ *(не дойдя до АКИМЫЧА, спотыкается о лопату)*. Что за народ? *(АКИМЫЧУ.)* Чего депутатское имущество раскидываешь? Кто за него потом платить будет? Пушкин?

АКИМЫЧ *(отрешенно гладит листья и ветки)*. Я его рубить собирался. А он вон как. Как будто ждал меня. Грохнуло, треснуло, а меня не задело. Сила природы! Ходим-ходим мимо нее, а ничего не замечаем. Все торопимся куда-то. А оно ждет нас. Стоит себе тихонько. Свое, родное.

ЛАВРЕНТИЙ. Хм. Дедуся, похоже, того.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Лавруша, поехали, пока еще чего тут не случилось.

АКИМЫЧ. Он сколько лет тут ждал. Чего только не видел. А я — там. Маленький такой. Бегаю, грешный, где возьму что плохо лежит, обману кого, и все в хату, все в хату тащу. Как хомяк. Маленький. А зачем? А вот он здесь стоит, большой такой. И все видит, все...

Увлечшись абстрактными размышлениями, АКИМЫЧ проходит по лункам, которые только что выкопал САША.

САША *(останавливается, чтобы разогнуть уставшую спину и замечает АКИМЫЧА)*. Эй, а по грядкам зачем ходить?

АКИМЫЧ. По грядкам?

САША. Не видите, что ли? Сами не делаете, так хоть другим не мешайте. *(Проходит между лунками и черенком лопаты отпихивает АКИМЫЧА на необработанную землю.)* Вот сюда не заходить. *(Чертит на земле границу.)*

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ого! Пошел самозахват территории.

ЛАВРЕНТИЙ. Может, в тыкву ему? Чего пенсионера обижает?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да ладно. Чем бы дитя ни тешилось. Лишь бы не повесилось.

САША, прогнав АКИМЫЧА, возвращается к работе. Теперь он надевает наушники и копает с большим задором. Подпевает, подбрасывает и ловит лопату, изображает различные танцевальные движения.

АКИМЫЧ. На грядки не заходить? Мне? (*Переводит взгляд с лунок на крону дерева и обратно.*) И ведь такой. Огромный. (*Подходит ближе, обнимает ствол дуба.*) А детки такие крохотные. Слабенькие. (*Наклоняется и поднимает с земли желудь.*)

ЛАВРЕНТИЙ. Н-да, дедуля уже все. (*Издает губами звук выдергиваемой из бутылки пробки.*)

АКИМЫЧ. И куда ж ему, такому слабенькому? (*С болезненной тревогой оглядывается и вдруг замечает ЛАВРЕНТИЯ.*) А ну дай сюда. (*Резво подсакивает и вырывает у ЛАВРЕНТИЯ лопату.*) Знаю! Знаю! (*Иступленно копает.*)

ЛАВРЕНТИЙ. Э, дедуля, ты чего?

АКИМЫЧ. Вот сюда, сюда его, родимого! И братика! И сестричку! (*Раскидывает желуди по лункам.*)

ЛАВРЕНТИЙ. Э, пенсия, надорвешься.

АКИМЫЧ (*останавливается, тяжело дышит, сгибается пополам, держась за лопату*). Нет. Я. Сделаю. Все для него сделаю. Для силы, для...

ЛАВРЕНТИЙ (*мягко принимая лопату*). Давай помогу, что ли.

ЛАВРЕНТИЙ чертит на земле разметку и начинает методично копать лунки. АКИМЫЧ закидывает в них желуди. По другую сторону метки работает САША. Слышно, как в его наушниках играет музыка.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну ты посмотри на них. Крем и карамель просто. Ребята-октябрюта на субботнике. (*Достает телефон и собирается сфотографировать происходящее.*) Нет, нет. Чего-то тут не хватает.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ задумчиво оглядывается и замечает цепь, при падении дуба отлетевшую в сторону. Подбирает цепь и развешивает ее на кольшках, которые забивал ЛАВРЕНТИЙ.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот. Теперь порядок.

ЛАВРЕНТИЙ (*останавливаясь и разгибая спину*). О, Пал Андреич. Что это ты за могильную оградку тут устроил?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Бери выше, Лавруша. Это памятник!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ вешает на ближайший столбик табличку «Освоение территории ведется под личным патронажем Загребайло Павла Андреевича». Отходит в сторону, примеряется и снимает получившееся на телефон. В наступающих сумерках разряды вспышки блещут подобно заблудившейся маленькой молнии.

Затемнение.

2015

denis.n.martynov@gmail.com